

Observatoire ARGA

**ПОРЯДОК ВЫБОРА ЭФФЕКТИВНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ ДЛЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННО-АРБИТРАЖНЫХ СПОРОВ В 2025
ГОДУ**

Практическое руководство для споров с участием государств СНГ, государственных и квазигосударственных субъектов, а также споров, затронутых санкционным и политико-правовым фактором

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 24 декабря 2025

Оглавление

1.....	Зачем это руководство и в чём “эффективность” в 2025 году	3
2.	Нейтральность и универсальность для СНГ	4
3.	Классификация спора: с этого начинается выбор юрисдикции	5
4.	Модель “4-карты”: единственный рабочий подход	6
5.	Выбор режима: ICSID vs Non-ICSID (UNCITRAL/институциональный)	7
5.1.	ICSID (если доступен)	7
5.2.	Non-ICSID (UNCITRAL / институциональный арбитраж под NYC 1958)	8
6.	Seat-выбор в 2025: расширенные критерии, которые реально работают	8
6.1.	Судебная поддержка арбитража в условиях параллельных атак	9
6.2.	Стандарт контроля при отмене (set-aside)	9
6.3.	Санкционный нейтралитет и предсказуемость публичного порядка	9
6.4.	Скорость и инструментальность court assistance	10
7.	Юрисдикции исполнения: в 2025 это главнее seat	10
7.1.	Asset-first подход	10
7.2.	Государственный иммунитет: юрисдикция vs исполнение	11
7.3.	США: мощный форум, но требования растут	11
7.4.	ОАЭ (Dubai / DIFC): сильный инструмент, но с ловушками	12
7.5.	Европейский союз: юридически мощно, но санкционно сложно	12
8.	Параллельные процессы и запреты: универсальный СНГ-контрриск ...	13
9.	Решение по стадиям: матрица, которая спасает дела	14
	Стадия 0: до запуска (структурирование и подготовка)	14
	Стадия 1: pre-arbitration (notice, cooling-off)	14
	Стадия 2: арбитраж (юрисдикция, доказательства, обеспечительные)	15
	Стадия 3: award	15
	Стадия 4: execution	16
10.	Практические критерии выбора “эффективных стран” для споров СНГ	16
	Критерии А: правовая инфраструктура	16
	Критерии В: иммунитет и государственные активы	16
	Критерии С: санкции и комплаенс-барьеры	17
	Критерии D: контрмеры и параллельные процессы	17
	Критерии Е: экономика исполнения	17
11.	Мини-шпаргалка для команды: “что выбрать” на старте	17
	Если у спора высокий публичный или санкционный фактор	17
	Если спор «классический treaty» без санкционного ядра	18
	Ключевое напоминание для команды	19
12.	Источники и точки опоры	19

1. Зачем это руководство и в чём “эффективность” в 2025 году

В 2025 году понятие «эффективной юрисдикции» в инвестиционно-арбитражных и квазипубличных спорах радикально отличается от классических представлений, сложившихся в предыдущие десятилетия. Эффективность больше не определяется репутацией юрисдикции, формальным статусом «проарбитражного суда» или абстрактной лояльностью к международному арбитражу. Ключевое значение имеет практическая способность выбранной правовой архитектуры выдержать совокупное давление — процессуальное, политико-правовое, санкционное и исполнительное.

В современных условиях «эффективная юрисдикция» представляет собой прикладную комбинацию как минимум четырёх взаимосвязанных элементов.

Во-первых, юрисдикционная устойчивость. Речь идёт не только о формальной компетенции трибунала, но и о реальной способности арбитража сохранить эту компетенцию на протяжении всего разбирательства и после вынесения решения. В 2025 году систематически используются атаки на юрисдикцию, основанные на аргументах публичного порядка, санкционного режима, суверенного иммунитета, *alleged abuse of process*, параллельных внутренних процессов и *anti-arbitration injunctions*. Эффективная юрисдикция — это та, где вероятность того, что *award* переживёт эти атаки, является высокой не в теории, а на практике.

Во-вторых, процессуальная управляемость. Скорость и предсказуемость производства приобретают самостоятельную ценность в условиях санкций, замораживания активов и ограниченного временного окна для исполнения. Сюда относятся возможность получения обеспечительных мер, *court assistance* в сборе доказательств, защита от обструктивной тактики, а также способность суда или арбитража оперативно реагировать на процессуальные злоупотребления. Юрисдикция, которая формально допускает арбитраж, но не обеспечивает управляемости процесса, в 2025 году утрачивает практическую ценность.

В-третьих, реальная исполнимость. *Award*, который невозможно конвертировать в денежное исполнение или экономический результат, перестаёт быть правовым активом. В условиях фрагментированного международного правопорядка ключевым становится доступ к активам, отсутствие непреодолимых барьеров со стороны суверенного иммунитета, а также готовность национальных судов признавать и приводить в исполнение арбитражные решения без чрезмерного расширения исключений публичного порядка. Эффективность юрисдикции измеряется не качеством мотивировочной части *award*, а способностью довести дело до фактического взыскания.

В-четвёртых, контрриски. В 2025 году стратегия разрешения спора должна учитывать не только сам арбитраж, но и сопутствующие риски: государственный иммунитет, санкционный комплаенс, риск отказа в признании по мотивам публичного порядка, наличие параллельных процессов, запреты на иностранные разбирательства, штрафы за

«неподчинение» иностранным судам или трибуналам, а также репутационные и регуляторные последствия для сторон и их представителей.

Главная стратегическая ошибка, которая продолжает разрушать даже юридически сильные кейсы, — выбор арбитража без детального и реалистичного плана исполнения. Вторая, не менее критичная ошибка, — попытка выстроить стратегию исполнения без глубокого понимания иммунитета государства и санкционных ограничений. В условиях 2025 года подобные ошибки фактически равнозначны стратегическому саморазрушению спора ещё до его начала.

2. Нейтральность и универсальность для СНГ

Настоящее руководство носит методологический и нейтральный характер. Оно не ориентировано на защиту интересов какой-либо одной категории участников и не исходит из презумпции правоты инвестора либо государства. Подход, предлагаемый в документе, основан на анализе институциональных рисков и практических ограничений, характерных для инвестиционно-арбитражных споров с участием государств и квазигосударственных субъектов в регионе СНГ и за его пределами.

Руководство одинаково применимо:

— для инвестора, предъявляющего требования к государству или государственному органу;

— для государства, выстраивающего защиту от необоснованных или чрезмерных требований;

— для споров с государственными корпорациями, государственными банками и иными субъектами, обладающими смешанной публично-частной природой;

— для дел, связанных с санкциями, ограничениями, блокировками активов и иными мерами публичного характера, где частноправовой спор неизбежно приобретает публично-правовое измерение.

Особое внимание уделяется ситуациям, в которых формально коммерческий или инвестиционный спор оказывается встроенным в более широкий контекст — политический, санкционный, регуляторный или суверенный. Именно такие кейсы в 2025 году формируют основную зону риска и требуют отказа от шаблонных арбитражных решений в пользу адаптивной и многоуровневой стратегии.

Если хочешь, следующим логичным шагом может быть:

— раздел о критериях выбора арбитражной институции и seat в 2025 году,

— или отдельный блок про исполнение award против государства и SOE,

— либо практическая матрица «юрисдикция → риск → исполнимость» для СНГ.

3. Классификация спора: с этого начинается выбор юрисдикции

Перед тем как обсуждать seat арбитража, механизмы court assistance или перспективы enforcement, спор должен быть корректно квалифицирован. В 2025 году ошибка на этом этапе является фатальной: именно от типа спора зависит, какими инструментами вас будут атаковать, где именно будет сосредоточено давление и какие аргументы станут системообразующими для противоположной стороны.

Современная практика показывает, что стороны и национальные суды всё чаще переопределяют правовую природу спора не в соответствии с его экономической сутью, а исходя из стратегических целей — расширения иммунитета, применения санкционных аргументов или вывода спора из-под арбитражной юрисдикции. Поэтому классификация спора должна быть проведена заранее и с учётом возможной переквалификации со стороны оппонента.

А. Классический инвестиционный спор (treaty-based)

К данной категории относятся споры, основанные непосредственно на международных инвестиционных соглашениях, включая двусторонние инвестиционные договоры (BIT) и многосторонние режимы. Типовые основания включают экспроприацию и косвенную экспроприацию, нарушение стандарта справедливого и равноправного режима (FET), denial of justice, дискриминацию и нарушение обязательства полного и постоянного обеспечения безопасности (FPS).

В 2025 году ключевыми зонами атаки по таким спорам являются вопросы допустимости (admissibility), злоупотребления правом, параллельных внутренних процессов, а также попытки представить спор как чисто коммерческий или, наоборот, как акт суверенного регулирования, исключённый из арбитражного контроля.

В. Квази-инвестиционный спор (на стыке договора и публичного элемента)

К этой категории относятся споры, возникающие из концессионных соглашений, инфраструктурных и энергетических проектов, недропользования, крупных лицензий, проектов государственно-частного партнёрства (PPP), а также конфликтов вокруг регуляторных действий государства.

Такие споры формально опираются на договор, но неизбежно вовлекают элементы публичного права, включая разрешительные режимы, тарифное регулирование, экологические и санкционные ограничения. В 2025 году именно здесь чаще всего происходит переквалификация спора в «суверенный», с последующим расширением аргументов об иммунитете, публичном порядке и исключении арбитражной компетенции.

С. Коммерческий спор с государственным элементом (SOE / госбанк / квази-государство)

Данная категория охватывает контрактные споры, в которых одной из сторон выступает государственная компания, государственный банк либо субъект с выраженным государственным контролем. Типовая тактика ответчика заключается в переводе изначально коммерческого конфликта в политико-правовой режим, с использованием аргументов о санкциях, «недружественной юрисдикции», защите публичных интересов или угрозе финансовой стабильности.

В таких спорах выбор юрисдикции напрямую определяет, будет ли суд рассматривать ответчика как обычного коммерческого субъекта или предоставит ему фактические привилегии публичного характера.

D. Санкционно-обусловленный спор

К этой категории относятся споры, в которых санкционный режим является не фоном, а ключевым элементом спора: невозможность осуществления платежей, блокировка активов, запреты на исполнение обязательств, аргументация о «no-claims» в ЕС и третьих странах, вопросы лицензирования и исключений.

В 2025 году такие споры особенно чувствительны к выбору seat и forum enforcement, поскольку национальные суды всё чаще подменяют анализ обязательств анализом санкционного комплаенса, а арбитражные решения сталкиваются с многоуровневыми барьерами при признании и исполнении.

4. Модель “4-карты”: единственный рабочий подход

Практика последних лет показывает, что устойчивая стратегия в инвестиционно-арбитражных и квазипубличных спорах может быть построена только на основе комплексной модели, условно обозначаемой как модель «четырёх карт». Отсутствие хотя бы одной из них делает стратегию уязвимой и часто приводит к утрате исполнимости даже формально выигранного дела.

Карта 1. Treaty-карта (или карта арбитражного соглашения)

На этом уровне анализируется наличие и качество правового основания для арбитража: применимый BIT или многосторонний договор, арбитражная оговорка в контракте, выбор между ICSID и UNCITRAL, требования к уведомлению и соблюдению cooling-off периода, наличие fork-in-the-road, waiver, а также обязательства по исчерпанию местных средств защиты. Ошибки на данном этапе часто становятся основанием для утраты юрисдикции или отказа в признании award.

Карта 2. Seat-карта

Выбор места арбитража определяет процессуальную экосистему спора: какие суды будут оказывать содействие арбитражу, какие стандарты применяются при отмене решений, насколько реально получить обеспечительные меры, anti-suit или anti-anti-suit injunctions. В 2025 году seat — это не вопрос традиции, а вопрос процессуального выживания спора.

Карта 3. Asset-карта

Даже идеально выстроенный арбитраж лишён смысла без понимания того, где находятся реальные активы ответчика и какова их юридическая природа. Анализ включает банковские потоки, доли участия в SPV, дебиторскую задолженность, торговые операции, страховые выплаты, фрахт, экспортные цепочки, платежи по гарантиям и иные источники ликвидности. Asset-карта должна обновляться динамически по мере развития спора.

Карта 4. Enforcement-карта

Финальная карта определяет, где именно активы могут быть реально арестованы, заморожены или обращены во взыскание. Анализируются барьеры, связанные с суверенным иммунитетом, санкциями, публичным порядком, требованиями к доказательствам арбитражного соглашения и допустимости арбитражного решения. В 2025 году именно enforcement-карта чаще всего определяет исход всего спора, независимо от его юридической силы по существу.

5. Выбор режима: ICSID vs Non-ICSID (UNCITRAL/институциональный)

Выбор между ICSID и non-ICSID арбитражем в 2025 году перестал быть вопросом «престижа» или теоретической защищённости. Это вопрос архитектуры риска. Оба режима работают, но по-разному ломаются — и это надо учитывать заранее.

5.1. ICSID (если доступен)

Плюсы

ICSID остаётся уникальным режимом за счёт автономной системы признания и исполнения. Решение ICSID не проходит через стандартную процедуру признания по Нью-Йоркской конвенции 1958 года и не подлежит отмене национальными судами по месту seat. Это существенно сокращает пространство для атак на award через процедуру set-aside и исключает «пересмотр по существу» под видом публичного порядка или процессуальных нарушений.

Дополнительным преимуществом является институциональная предсказуемость: процедуры, стандарты due process и рамки контроля более стабильны, чем в большинстве non-ICSID сценариев, особенно в политически чувствительных делах.

Минусы

Ключевое ограничение ICSID в 2025 году — это иллюзия автоматической исполнимости. Суверенный иммунитет исполнения никуда не исчезает. Даже идеально мотивированное ICSID award упирается в один и тот же практический вопрос: *какие активы ответчика не защищены иммунитетом и в каких юрисдикциях их реально можно тронуть.*

ICSID не решает проблему отсутствия активов, их «перепакровки», перевода в protected entities или юрисдикции с жёстким иммунитетом. Кроме того, в ряде стран суды всё активнее обсуждают соотношение обязательств по ICSID и национальных санкционных режимов.

Практический вывод 2025 года

ICSID — это не «гарантия денег». Это **гарантия более прочной процессуальной основы** и устойчивости award к формальным атакам. Всё, что происходит после вынесения решения, определяется качеством asset-карты и выбором форума исполнения. Без этого даже ICSID остаётся дорогим, но абстрактным активом.

5.2. Non-ICSID (UNCITRAL / институциональный арбитраж под NYC 1958)

Плюсы

Non-ICSID режим даёт значительно большую гибкость. Шире выбор seat, больше возможностей процессуального маневра, выше вариативность в выборе институтов, регламентов и тактики. В ряде кейсов именно non-ICSID позволяет оптимально подстроить процесс под asset-карту и будущие enforcement-юрисдикции.

Кроме того, в некоторых санкционно чувствительных делах non-ICSID позволяет обойти ограничения, которые начинают «прилипать» к investor-State формату.

Минусы

Главный риск — зависимость от судов по месту seat. Award уязвим для процедуры set-aside, и именно там концентрируется «суд последнего удара». В 2025 году всё чаще используются расширительные аргументы: публичный порядок, санкции, alleged lack of arbitrability, alleged abuse of process.

Non-ICSID также создаёт больше процессуальных точек атаки: юрисдикция, состав трибунала, процессуальные решения, уведомления, due process — всё может быть использовано для давления.

Практический вывод

Non-ICSID работает только при сильном seat и заранее выстроенной enforcement-карте. Без этого гибкость превращается в уязвимость.

6. Seat-выбор в 2025: расширенные критерии, которые реально работают

В 2025 году seat нельзя выбирать «по привычке» или по рейтингу. Его нужно проверять как технический узел стратегии. Ниже — критерии, которые должны применяться как чек-лист, а не как абстрактные принципы.

6.1. Судебная поддержка арбитража в условиях параллельных атак

Практика 2024–2025 годов показала, что в ряде дел — особенно санкционных и с государственным элементом — требуется глобальная судебная стратегия, а не просто «хороший seat».

Суды по месту seat и суды третьих стран должны быть готовы поддерживать арбитраж в ситуации, когда национальные суды одной из сторон пытаются перехватить контроль над спором через антиарбитражные иски, параллельные процессы или запреты.

Показательным стал массив дел *UniCredit v RusChemAlliance*, где английские суды рассматривали anti-suit injunction как инструмент защиты арбитража, несмотря на то что seat находился в Париже. Ключевой вывод: важна не только позиция судов seat, но и их готовность быть частью трансграничной защиты арбитража.

6.2. Стандарт контроля при отмене (set-aside)

Для non-ICSID арбитража суд по месту seat — это критическая точка.

В слабом seat победа может быть аннулирована по расширительным основаниям: от «нарушения публичного порядка» до фактического пересмотра оценки доказательств.

В сильном seat суды удерживаются в узких рамках контроля:

- процессуальные нарушения;
- превышение мандата трибунала;
- реальные сбои due process;
- публичный порядок в узком, а не политизированном смысле.

В 2025 году различие между этими подходами стало практическим, а не теоретическим.

6.3. Санкционный нейтралитет и предсказуемость публичного порядка

В ЕС сформировалась сложная и нестабильная зона риска, связанная с применением статьи 11 Регламента 833/2014 («no-claims»). Идут активные дискуссии и судебные процессы о том:

- применима ли «no-claims» к арбитражным требованиям;
- как она влияет на авансы, гарантии, уступки требований и связанные лица;
- может ли санкционный режим становиться элементом публичного порядка для отказа в признании и исполнении.

Дополнительно, в 2025 году появлялись сообщения о корректировке санкционных механизмов ЕС, затрагивающих recognition/enforcement в контексте investor-State и квази-государственных споров.

Практический вывод

EU-seat по-прежнему возможен и часто рационален. Но для «санкционно-нервных» кейсов необходимо заранее моделировать сценарий, при котором санкционный аргумент используется не по существу, а как процессуальный блок на стадии признания и исполнения внутри ЕС.

6.4. Скорость и инструментальность court assistance

Сильный seat в 2025 году — это не абстрактная «проарбитражность», а конкретные свойства судебной системы:

- способность быстро выдавать обеспечительные меры;
- реальная помощь в получении и сохранении доказательств;
- отказ от парализации арбитража формальными и затяжными процедурами.

В условиях санкций, заморозки активов и коротких окон для enforcement скорость судов стала фактором материального результата, а не просто удобства.

7. Юрисдикции исполнения: в 2025 это главнее seat

Ключевой практический принцип 2025 года остаётся неизменным: **выигрывает не тот, кто получил award, а тот, кто получил деньги**. В условиях санкций, усиленного иммунитета и фрагментации правопорядков стадия исполнения стала определяющей для всей стратегии разрешения спора.

Seat важен, но он обслуживает процесс. Enforcement — это конечный результат, ради которого выстраивается вся конструкция.

7.1. Asset-first подход

Современная стратегия исполнения строится не вокруг абстрактного списка «дружественных юрисдикций», а вокруг конкретных **точек удара**. Анализ начинается не с вопроса «где признавать», а с вопроса «где можно реально воздействовать».

Релевантными являются юрисдикции, в которых присутствуют:

- ликвидные денежные средства или устойчивые денежные потоки;
- контрагенты ответчика, обязанные осуществлять регулярные платежи;
- активы, которые по своей природе поддаются аресту или обеспечительным мерам;

— банки, депозитарии, клиринговые и платёжные структуры, через которые проходят расчёты.

Asset-first подход требует динамического мониторинга: активы могут мигрировать, перепаковываться в SPV, выводиться в юрисдикции с повышенной защитой иммунитета. В 2025 году статическая карта активов устаревает быстрее, чем длится арбитраж.

7.2. Государственный иммунитет: юрисдикция vs исполнение

Критическая ошибка — отождествлять признание award и его фактическое исполнение. Во многих странах иммунитет на стадии исполнения существенно жёстче, чем на стадии признания.

Ситуация, при которой суд готов признать арбитражное решение, но отказывает в любых мерах взыскания, стала в 2025 году скорее правилом, чем исключением.

Рабочие стратегии исполнения против государства и SOE, как правило, строятся на:

- выявлении коммерческих активов, не покрытых иммунитетом;
- доказывании их использования в коммерческих целях (jure gestionis);
- точной привязке этих активов к юрисдикции суда, рассматривающего вопрос взыскания.

Именно этот этап чаще всего определяет, останется ли award юридическим документом или станет экономическим результатом.

7.3. США: мощный форум, но требования растут

Суды США остаются одним из самых мощных инструментов для исполнения арбитражных решений против государств и государственных структур. Однако в 2024–2025 годах практика, особенно на уровне D.C. Circuit, стала заметно строже.

В рамках дел, связанных с исполнением арбитражных решений, включая контур Yukos, суды прямо указали, что они **не обязаны автоматически следовать выводам арбитражного трибунала** о наличии арбитражного соглашения для целей применения исключений из суверенного иммунитета по FSIA.

Вопрос юрисдикции по FSIA суд обязан анализировать самостоятельно, даже если трибунал уже признал свою компетенцию.

Практический вывод

Если стратегия исполнения включает США, необходимо заранее готовить:

- доказательства арбитражного соглашения в форме и логике, приемлемой для федерального суда;

- чёткое обоснование применимости конкретного исключения FSIA;
- отдельную аргументацию по статусу агентств и инструментальностей государства, если ответчик — SOE или связанная структура.

Без этого США из «форс-множителя» могут превратиться в дорогостоящий тупик.

7.4. ОАЭ (Dubai / DIFC): сильный инструмент, но с ловушками

ОАЭ всё чаще рассматриваются как потенциальный хаб исполнения, особенно для споров с участием активов, связанных с торговлей, финансами и логистикой. Однако эффективность ОАЭ полностью зависит от архитектуры стратегии.

Критическими являются:

- правильное разграничение onshore и offshore режимов;
- учёт возможного влияния параллельного set-aside по месту seat;
- наличие реальной связи спора или активов с DIFC, а не формальной.

На практике ОАЭ — это не «автоматический рай исполнения», а юрисдикция, где малейшая ошибка в конструкции может привести к утрате темпа или полной блокировке взыскания.

7.5. Европейский союз: юридически мощно, но санкционно сложно

Юрисдикции ЕС по-прежнему обладают сильными процессуальными инструментами и развитой практикой признания арбитражных решений. Однако в 2025 году для кейсов, соприкасающихся с санкционным режимом, ключевым становится предварительное планирование санкционного контура.

Это включает:

- анализ применимых санкционных режимов и их экстерриториального эффекта;
- получение лицензий или исключений, если это требуется;
- оценку риска трансформации санкционного аргумента в элемент публичного порядка на стадии признания или исполнения.

Практика показывает, что без такого планирования даже формально сильная позиция в ЕС может оказаться процессуально заблокированной.

8. Параллельные процессы и запреты: универсальный СНГ-контрриск

Для споров, связанных со странами СНГ, характерен системный риск так называемой «двойной дорожки». Арбитраж почти всегда сопровождается параллельными процессами в национальных судах или иными государственными мерами, направленными на давление, блокирование или дискредитацию арбитража.

Цели таких процессов, как правило, типовые:

- запугивание стороны и её представителей;
- создание процессуальных препятствий для арбитража;
- формирование формальной основы для отказа в признании или исполнении award за рубежом.

Наиболее жёстким примером остаётся российская модель *override arbitration* и *choice-of-court*, закреплённая в статьях 248.1–248.2 АПК РФ, включая антиарбитражные и анти-судовые запреты и штрафы, сопоставимые с суммой иска. Международные юридические фирмы характеризуют эту практику как системную и крайне агрессивную.

Однако методологически важно понимать, что аналогичные эффекты достигаются и в других странах региона — пусть и иными инструментами:

- через уголовное преследование;
- регуляторное давление;
- национализацию или отзыв лицензий;
- воздействие на локальные активы и персонал.

Ключевой вывод

Стратегия без плана на случай параллельного процесса в 2025 году не является стратегией.

Арбитраж, *seat* и *enforcement* должны изначально проектироваться с учётом вероятности национального вмешательства и с заранее подготовленным набором контрмер — процессуальных, юрисдикционных и тактических.

9. Решение по стадиям: матрица, которая спасает дела

Ключевая ошибка в инвестиционно-арбитражных спорах — рассматривать стадии последовательно, а не как единую систему. В 2025 году стратегия должна быть **сквозной**: каждое действие на раннем этапе должно обслуживать будущую исполнимость. Ниже — модель, которая минимизирует «победы без денег».

Стадия 0: до запуска (структурирование и подготовка)

Цель

Создать связку: treaty-юрисдикция → доказательная база → будущая исполнимость.

Что делаем

— проверка применимой treaty-сетки (BIT, многосторонние соглашения), юрисдикционных оснований и всех формальных требований к уведомлению;

— анализ ограничений: fork-in-the-road, waiver, exhaustion of local remedies, cooling-off и их потенциального использования против вас;

— системное документирование инвестиций, легитимных ожиданий, регуляторной среды, переписки с государственными органами;

— формирование «доказательного контура» причинно-следственной связи между действиями государства и ущербом (не post factum, а ex ante);

— предварительная asset-карта ответчика: активы, потоки, контрагенты, банки, юрисдикции, потенциальные точки давления.

На этой стадии закладывается до 60–70% успеха enforcement. Всё, что не сделано здесь, позже придётся «достраивать под огнём».

Стадия 1: pre-arbitration (notice, cooling-off)

Цель

Не формальная «вежливость», а подготовка будущего трибунала к удержанию юрисдикции и возможным обеспечительным мерам.

Что делаем

— точное и дисциплинированное формирование требований: без избыточности, но с охватом всех возможных квалификаций;

— фиксация характера нарушения как *continuing breach*, если это возможно, для расширения временного и юрисдикционного периметра;

— закладка аргументов под *provisional measures* (сохранение *status quo*, защита активов, недопущение ухудшения положения);

— создание письменного следа, который позже будет использоваться для *due process*-защиты *award* на стадии исполнения.

Ошибка на этом этапе часто становится аргументом против юрисдикции или обеспечительных мер.

Стадия 2: арбитраж (юрисдикция, доказательства, обеспечительные)

Цель

Удержать компетенцию трибунала и защитить будущую исполнимость ещё до *award*.

Что делаем

— выстраиваем юрисдикционную аргументацию так, как если бы её потом проверял национальный суд (особенно США);

— параллельно с процессом по существу начинаем готовить *enforcement*-пакеты по ключевым юрисдикциям;

— отслеживаем и документируем любые параллельные атаки (национальные процессы, регуляторное давление, анти-арбитражные меры);

— заранее планируем инструменты *anti-suit* / *anti-interference* в дружественных судах, если начинается перехват спора.

Практика 2024–2025 годов (включая кейсы UniCredit) показала: **судебная поддержка арбитража за пределами *seat* может быть критичной.**

Стадия 3: *award*

Цель

Максимально быстро «приземлить» *award* в ключевых юрисдикциях исполнения.

Что делаем

— заранее определяем приоритет 2–4 стран исполнения, исходя из *asset*-карты;

— готовим полный пакет документов под стандарты конкретных судов: *certified copies*, переводы, доказательства уведомления;

— отдельно готовим доказательства арбитражного соглашения в форме, приемлемой для конкретной юрисдикции (особенно для FSIA-анализа в США);

— синхронизируем подачу заявлений, чтобы минимизировать время реакции ответчика.

Скорость здесь — не комфорт, а фактор результата.

Стадия 4: execution

Цель

Превратить признание в реальное взыскание.

Что делаем

— выбираем меры воздействия по типам активов (деньги, дебиторка, доли, потоки);

— выстраиваем аргументацию по иммунитету исполнения, отдельно от юрисдикции и признания;

— запускаем санкционный комплаенс-контур: лицензии, исключения, работа с банками;

— действуем итеративно, а не «одним ударом»: давление через несколько точек одновременно.

10. Практические критерии выбора “эффективных стран” для споров СНГ

Ниже — рабочий рейтинг-лист, которым реально должен пользоваться юрист при выборе seat и юрисдикций исполнения. Это не общие слова, а параметры, которые можно проверить и сопоставить.

Критерии А: правовая инфраструктура

1. Применимость Нью-Йоркской конвенции или автономного ICSID-режима.
2. Предсказуемая практика судов по set-aside и recognition/enforcement.
3. Узкое, неполитизированное понимание public policy.
4. Реальная способность судов работать с обеспечительными мерами.

Критерии В: иммунитет и государственные активы

5. Практика применения исключений из иммунитета и теста commercial activity.
6. Наличие реальных инструментов ареста активов и дебиторской задолженности.
7. Подход судов к понятию instrumentality и доказательствам государственного контроля.

Критерии C: санкции и комплаенс-барьеры

8. Риск блокировки взыскания из-за санкций или “no-claims” логики.
9. Прозрачность и предсказуемость получения лицензий и исключений; практика банков.

Критерии D: контрмеры и параллельные процессы

10. Устойчивость судов к анти-судовым и анти-арбитражным атакам.
11. Вероятность признания или учёта «национальных запретов» страны-ответчика.
12. Скорость реакции судов — измеряемая неделями, а не абстрактными сроками.

Критерии E: экономика исполнения

13. Наличие реальных активов и денежных потоков ответчика в стране.
14. Возможность дотянуться до банков и контрагентов (third-party debt, garnishment и аналоги).
15. Подтверждённая практика реальных взысканий, а не только формальных признаний.

11. Мини-шпаргалка для команды: “что выбрать” на старте

Этот блок предназначен для использования в самом начале проекта, до запуска уведомлений и до выбора арбитражного режима. Его задача — быстро выровнять команду по ключевым решениям и избежать типовых стратегических ошибок, которые в 2025 году уже не прощаются.

Если у спора высокий публичный или санкционный фактор

К таким кейсам относятся споры с участием государства, SOE или госкорпораций, споры, затрагивающие санкции, экспортные ограничения, блокировку активов, а также дела, где оппонент заведомо будет пытаться перевести конфликт в публично-правовую плоскость.

Seat

— выбираем seat в юрисдикции, где суды демонстрируют устойчивую и предсказуемую защиту арбитража;

— ключевой критерий — готовность судов быстро реагировать на interference: параллельные иски, анти-арбитражные меры, попытки перехвата спора;

— приоритет — юрисдикции, где суды не расширяют публичный порядок за счёт политических или санкционных аргументов.

Enforcement

- стратегию исполнения проектируем **вне** юрисдикций, где санкционный public policy способен заблокировать выплату без лицензии или исключения;
- заранее моделируем комплаенс-контур: лицензии, исключения, взаимодействие с банками и депозитариями;
- исходим из того, что признание award и реальное взыскание могут оказаться в разных странах.

США

- рассматриваем США как потенциальный инструмент усиления давления, а не как автоматический выбор;
- используем только при наличии сильной доказательной базы по арбитражному соглашению, уведомлениям и применимости исключений FSIA;
- отдельно готовим аргументацию по статусу агентств и инструментальностей государства, если ответчик — SOE.

Если спор «классический treaty» без санкционного ядра

К этой категории относятся споры, основанные на ВIT или многосторонних соглашениях, где отсутствует активный санкционный контур и спор не встроен в текущую геополитическую конфигурацию.

Режим и seat

- оптимизируем стратегию под скорость производства и устойчивость award к юрисдикционным и процессуальным атакам;
- допускаем более широкий выбор seat и институтов, исходя из управляемости процесса;
- тем не менее, избегаем юрисдикций с расширительным контролем при set-aside.

Enforcement

- расширяем пул потенциальных стран исполнения, опираясь на asset-карту;
- используем возможность параллельного признания в нескольких юрисдикциях для повышения давления;
- не откладываем анализ исполнения «на потом»: он должен идти параллельно с арбитражем.

Иммунитет

— даже при отсутствии санкций исходим из базового принципа: **государство всегда означает иммунитет**;

— заранее планируем аргументацию по commercial activity и статусу активов;

— не строим стратегию на предположении «разумного поведения» государства-ответчика.

Ключевое напоминание для команды

В 2025 году успешный кейс — это не результат одного удачного выбора (seat, института или режима), а **согласованная архитектура решений**, принятых на старте и проверенных через призму будущего исполнения.

Если команда не может внятно ответить на вопрос *«где и как мы получим деньги»* ещё до запуска спора — стратегию нужно пересобирать.

12. Источники и точки опоры

— UK Supreme Court: страница дела UniCredit v RusChemAlliance и материалы по поддержке арбитража и юрисдикционной борьбе.

— Аналитика о механизмах override арбитражных соглашений и анти-suit/анти-arbitration тактиках (международные обзоры).

— CJEU preliminary reference по Reg. 833/2014, ст. 11 (no-claims) и вопросы о последствиях для требований/возврата/частичной поставки.

— Материалы по ст. 11 Reg. 833/2014 и её влиянию на арбитраж/публичный порядок.

— D.C. Circuit (5 Aug 2025) по исполнению award против РФ и стандартам проверки юрисдикции/FSIA.

<https://www.newyorkconvention.org/>

<https://icsid.worldbank.org/resources/rules-and-regulations>

<https://icsid.worldbank.org/cases>

<https://www.uncitral.org/en/texts/arbitration>

https://www.icca-cia.org/publications/nyc_guide.html

<https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements>

<https://www.oecd.org/investment/international-investment-agreements/>

<https://curia.europa.eu/>

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014R0833>

<https://www.supremecourt.uk/cases>

<https://www.bailii.org/>

<https://www.justice.gov/civil/federal-foreign-sovereign-immunities-act>

<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/28/1605>

<https://www.dc.uscourts.gov/>

<https://www.legislation.gov.uk/>

<https://www.gov.uk/courts-tribunals>

<https://www.ag.gov.au/international-relations/international-arbitration>

<https://www.austlii.edu.au/>

<https://www.worldbank.org/en/topic/governance>

<https://www.coe.int/en/web/venice-commission>

<https://www.unodc.org/unodc/en/legal-tools.html>

<https://www.transparency.org/en/publications>

<https://www.state.gov/investment-issues/>